

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.119-129

И. А. Михайлова*

Гендерное неравенство в брачно-семейной сфере: формы проявления и возможности преодоления

Аннотация. Гендерное неравенство в брачно-семейной сфере наиболее ярко выражается в различном отношении мужчин и женщин к регистрации брака, т.к. именно мужчины, как правило, предпочитают фактические брачные отношения, а женщины вынуждены мириться с моделью внебрачной связи, лишаящей ее прав, предусмотренных для законных супругов. Анализ негативных последствий обозначенной проблемы позволил предложить закрепить в законе правовые последствия длительного совместного проживания мужчины и женщины для тех случаев, когда вследствие смерти одного из фактических супругов брак не может быть зарегистрирован, что будет способствовать охране прав и защите интересов другого супруга. Иной формой гендерного неравенства является практика, при которой в подавляющем большинстве случаев при расторжении брака ребенок остается на попечении матери, что неблагоприятно отражается на психоэмоциональном состоянии отцов, лишенных возможности проживать со своим ребенком, и детей, желавших проживать с отцом, а не с матерью. Необходимо формирование устойчивой судебной позиции, основанной на безусловном равенстве прав родителей ребенка, в силу чего решения по таким делам должны приниматься на основе всестороннего изучения всех обстоятельств, свидетельствующих в пользу как матери, так и отца. Еще одна форма проявления гендерного неравенства вновь представляет собой ущемление прав женщин: многие отцы уклоняются от выплаты алиментов на содержание детей, ввиду чего на мать возлагается не только воспитание ребенка, забота о его здоровье, обучении, развитии, но еще и обязанность по его имущественному содержанию, бремя которого она несет единолично.

На основании проведенного анализа формулируется вывод о том, что все формы проявления гендерного неравенства в брачно-семейной сфере должны исследоваться представителями не только юридической науки, но и психологии, и социологии, т.к. они имеют глубокие психолого-эмоциональные и когнитивные основания, по-разному формирующиеся в сознании мужчин и женщин и по-разному проявляющиеся в их поведении.

Ключевые слова: гендерное неравенство; регистрация брака; фактические брачные отношения; семейные права и обязанности; определение места жительства ребенка; судебная практика; выплата алиментов на содержание детей; защита прав матери ребенка.

Для цитирования: Михайлова И. А. Гендерное неравенство в брачно-семейной сфере: формы проявления и возможности преодоления // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 8. — С. 119–129. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.119-129.

© Михайлова И. А., 2022

* Михайлова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, эксперт Международного центра компетенций «АйПи» Российской государственной академии интеллектуальной собственности, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин филиала Московского университета имени С.Ю. Витте в г. Рязани
ул. Миклухо-Маклая, д. 55а, г. Москва, Россия, 117279
irina_mikhaylova @list.ru

Gender Inequality in Marriage and Family Sphere: Forms of Manifestation and Options for Coping with it

Irina A. Mikhaylova, Dr. Sci. (Law), Professor, Expert of the International Competence Center «IPI», Russian State Academy of Intellectual Property; Professor, Department of Civil Law Disciplines, S.Y. Vitte Moscow University (Ryazan Branch)
ul. Miklukho-Maklaya, d. 55a, Moscow, Russia, 117279
irina_mikhaylova@list.ru

Abstract. Gender inequality in the marriage and family sphere is most pronounced in the different attitudes of men and women to marriage registration, because it is men who, as a rule, prefer common-law marriage, and women are forced to put up with a model of relationships outside of the marriage, which deprives her of the rights provided for legitimate spouses. The analysis of the negative consequences of this problem allowed us to propose the following. It is necessary to legislatively fix the legal consequences of a long-term cohabitation of a man and a woman for those cases when, due to the death of one of the actual spouses, the marriage cannot be registered, which will contribute to the protection of the rights and interests of the other spouse. One more form of gender inequality is the practice when, in the vast majority of cases, a marriage is dissolved and the child remains in the care of the mother. This may adversely affect the psycho-emotional state of fathers deprived of the opportunity to live with their child, and children who wanted to live with the father, and not with the mother. It is necessary to form a stable judicial position based on the unconditional equality of the rights of the child's parents, which is why decisions on such cases should be made following a comprehensive study of all the circumstances that testify in favor of both the mother and the father. One more form of gender inequality is a violation of women's rights. Many fathers evade the payment of alimony for the maintenance of children, which is why the mother is entrusted not only with the upbringing of the child, taking care of his health, education, development, but also with the duty of his property maintenance, the burden of which she bears alone. The results of the analysis make it possible to conclude that all these forms of gender inequality in marriage and family sphere should be investigated by not only legal science, but also psychology and sociology. It is vital as they have deep psychological, emotional and cognitive foundations that form differently in the minds of men and women and manifest themselves in different ways in their behavior.

Keywords: gender inequality; marriage registration; common-law marriage; family rights and obligations; determination of the child's place of residence; judicial practice; alimony payments; child's mother rights protection.

Cite as: Mikhaylova IA. Gendernoe neravenstvo v brachno-semeynoy sfere: formy proyavleniya i vozmozhnosti preodoleniya [Gender Inequality in Marriage and Family Sphere: Forms of Manifestation and Options for Coping with it]. *Lex russica*. 2022;75(8):119-129. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.119-129. (In Russ., abstract in Eng.).

Гендерное неравенство определяется как характеристика такого социального устройства, в котором мужчины и женщины обладают устойчивыми различиями и вытекающими из них неравными возможностями. В брачно-семейной сфере гендерное неравенство отражается в первую очередь в различном отношении мужчин и женщин к заключению брака. Как отмечается в современной доктрине, вследствие значительных изменений, произошедших и происходящих в обществе, стали появляться новые семейные проблемы,

в том числе нарушения в структуре семьи, рост внебрачного сожительства, что приводит к различиям в психологической, экономической и социальной безопасности лиц, состоящих как в официальных, так и в неофициальных брачных отношениях¹.

Как известно, в настоящее время в Российской Федерации признается только брак, заключенный в органах записи актов гражданского состояния (п. 2 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации²). Однако в нашем государстве, как и в большинстве европейских

¹ См.: Гараева Г. Х. Теоретические и практические проблемы семейной правосубъектности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2022. С. 4.

² См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

стран, всё более широкое распространение получают случаи внебрачного сожительства мужчины и женщины, поддерживающих семейные отношения без регистрации брака. По утверждению члена Совета Федерации А. В. Белякова, в настоящее время в незарегистрированных браках состоят уже около 50 % российских граждан³, однако имеются основания полагать, что в действительности количество таких семейных союзов значительно больше, так как в процессе семейно-правовой самоидентификации многие респонденты (как правило, мужчины) не считают себя состоящими в «незарегистрированном браке», рассматривая свои отношения с партнершей как не подпадающие под данное определение. Только этим можно объяснить значительное превышение числа замужних женщин над числом женатых мужчин, отмечавшееся по результатам всех трех переписей населения: на 28 тыс. чел. — в 1989 г.; на 65 тыс. чел. — в 2002 г. и на 61 тыс. чел. — в 2010 г.⁴

Современные законодательные подходы к этому явлению диаметрально противоположны: в некоторых государствах (например, в Великобритании) фактические браки признаются (в той или иной мере), а состоящие в них лица наделяются определенными личными и имущественными правами. В России, как и во многих других государствах, юридические последствия наступают только после регистрации брака, а фактическое сожительство мужчины и женщины прав и обязанностей не порождает (за отдельными исключениями).

Несмотря на постоянно возрастающий масштаб и важное социально-правовое, духовно-нравственное и экономическое значение обсуждаемого явления, единственное упоминание в действующем законодательстве лиц, не состоящих в зарегистрированных брачных союзах, представляет собой запрет совместно усыновлять одного и того же ребенка. Это означает, что в качестве потенциальных усыновителей фактические супруги приравнены к лицам, признанным недееспособными или ограниченно дееспособными; лишенным родительских прав;

не имеющим постоянного места жительства или имеющим судимость и т.п. (п. 4 ст. 127 СК РФ).

В 2018 г. в Государственную думу был внесен законопроект № 368962-7⁵, в котором была предпринята попытка легального признания рассматриваемой формы межполовых отношений, но успехом она не увенчалась. Более того, по словам А. В. Белякова, данный законопроект сопровождался огромным количеством фейков, определявших его цель как «приравнение гражданского брака к официальному», «легализацию сожительства», «легализацию любовников и любовниц»⁶ и т.д. Резко негативную оценку названный законопроект получил и в Комитете Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей, в котором он подвергся критике как противоречащий концепции государственной семейной политики и не согласующийся с ценностью официально признанного союза мужчины и женщины.

Правовой вакуум в регулировании отношений, возникающих между так называемыми гражданскими супругами, активно обсуждается многими учеными, придерживающимися диаметрально противоположных позиций. Некоторые авторы (например, А. М. Нечаева, Н. Н. Тарусина, И. А. Михайлова, Т. В. Краснова и др.) считают возможным, целесообразным или даже необходимым введение правового регулирования фактических брачных отношений. Наиболее убедительно и выразительно рассматриваемые проблемы охарактеризовала Р. П. Мананкова: «В СК РФ проигнорирован очевидный факт, что почти половина взрослых людей живут в так называемом гражданском браке. Складывается впечатление, что авторы проекта Семейного кодекса были скованы прежней, отчасти иезуитской идеологией». С целью восполнения отмеченного пробела автор предлагает выделить в структуре СК РФ главу «Фактические брачные отношения (гражданский брак)», закрепив в ней определение соответствующего понятия, правовой статус состоящих в них лиц и правовой режим нажитого ими имущества (общая доля в собственности)⁷.

³ См.: Стенограммы по законопроекту № 368962-7, заседание № 138, 26.07.2018 // URL: <http://lexfeed.ru> (дата обращения: 20.06.2022).

⁴ См.: URL: www.rg.ru/2011/12/16/stat.html (дата обращения: 22.06.2022).

⁵ См.: проект федерального закона № 368962-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» // URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/368962-7> (дата обращения: 10.06.2022).

⁶ См.: Стенограммы по законопроекту № 368962-7, заседание № 138, 26.07.2018.

⁷ См.: Мананкова Р. П. Пояснительная записка к концепции проекта нового Семейного кодекса Российской Федерации. Томск : Томский гос. ун-т, 2008. 39 с.

С этим предложением, как и с утверждением о том, что гражданский брак отнюдь не безразличное (иррелевантное) для права явление, на наш взгляд, следует безоговорочно согласиться. Однако в современной науке весьма активно отстаивается противоположная точка зрения, которой придерживаются Е. В. Ерохина, А. В. Ковалева, В. Н. Чурсина, Ю. А. Гаспарян и др. О. Ю. Ильина, в частности, утверждает, что «хотя действующее российское законодательство не обеспечивает в полном объеме охрану прав и защиту интересов фактических супругов, это и не нужно, т.к. <...> интересы мужчины и женщины будут подлежать правовой защите со стороны государства только при выполнении ими встречного условия — государственной регистрации брака»⁸. Аналогичную позицию занимает О. А. Косова: «Предоставление сожителям определенных прав до регистрации их союза означало бы дискредитацию брака, лишало бы смысла его последующее оформление»⁹.

Блестящий анализ рассматриваемого явления и его правовой перспективы представлен в трудах П. А. Якушева, по мнению которого союз мужчины и женщины в рамках внебрачного сожительства теоретически не исключает наличия в их отношениях верности, взаимного уважения и заботы, но, несмотря на это, внебрачное сожительство не может быть юридически приравнено к зарегистрированному браку, поскольку в нем институционально отсутствуют (или «размываются») нравственные начала, лежащие в основе брака и семьи как традиционных ценностей¹⁰. Именно такой подход к обсуждаемому вопросу превалирует в современной литературе и, как уже отмечалось, в законодательной сфере.

В рамках активной и содержательной научной дискуссии по рассматриваемому вопросу, продолжающейся на протяжении последних лет, практически незамеченным остается тот факт, что в столь широком распространении фактических брачных отношений, всё более и более «вытесняющих» зарегистрированные браки, особенно среди молодой части населения России, отчетливо проявляется гендер-

ное неравенство, являющееся отличительной чертой брачно-семейной сферы: как правило, именно мужчина отказывается от государственной регистрации брака, а женщина вынуждена мириться с навязанной ей моделью внебрачной связи, лишаящей ее прав, предусмотренных для законных супругов. При этом ни в одной норме семейного законодательства не предусматривается каких-либо положений, в той или иной степени ущемляющих права женщин, состоящих в таких отношениях, в первую очередь вследствие того, что, как уже отмечалось, легального признания такого рода отношения в настоящее время в России не получили.

Неравенство в этой сфере обусловлено различиями в психолого-эмоциональном отношении к браку со стороны мужчин и женщин, а также давней исторической традиции, в силу которой регистрация брака осуществляется исключительно по инициативе и желанию мужчины. Одного лишь желания женщины для заключения брака еще недостаточно, а мужчины активно придерживаются иных ориентиров, предпочитая зарегистрированному браку гораздо более удобную для них модель квазисемейной жизни¹¹.

Возможно, такой дисбаланс в рассматриваемой сфере обусловлен различным восприятием любви: как отмечал Жан де Лабрюйер, «любовь — целая история в жизни женщины и всего лишь эпизод в жизни мужчины». С этим утверждением практически совпадает мнение российского философа Н. А. Бердяева: «Мужская любовь частична, она не захватывает его существа, а женская более целостна, в этом и заключается ее опасность». Возможно, именно вследствие отмеченных особенностей состояние в фактических брачных отношениях, воспринимаемое большинством мужчин как вполне комфортная форма совместной жизни с любимой женщиной, для многих женщин, напротив, влечет психологический дискомфорт, чувство неуверенности и ущемленности, тревогу за будущее, страх разрыва и т.д., что отрицательно сказывается на реализации репродуктивной функции.

⁸ См.: Ильина О. Ю. Брак как форма государственного признания отношений между мужчиной и женщиной // Семейное и жилищное право. 2006. № 4.

⁹ Косова О. А. «Фактические браки» и семейное право // Правоведение. 1999. № 3. С. 120.

¹⁰ См.: Якушев П. А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 223–224.

¹¹ См. подробно: Михайлова И. А. Незарегистрированные браки: семейно-правовые и гражданско-правовые проблемы // Цивилист. 2013. № 4. С. 79–90.

Не менее важное значение имеет и отсутствие субъективных прав, предусмотренных для лиц, состоящих в браке. Так, на фактических супругов не распространяются обязанности по взаимному содержанию, а также возможность требовать предоставления алиментов от другого супруга в случаях, предусмотренных ст. 89 СК РФ. Ситуации, в которых признание и реализация названных субъективных прав приобретает для фактического супруга жизненно важный характер, встречаются в незарегистрированных браках отнюдь не реже, чем в зарегистрированных, но возникающие при этом вопросы не получили в литературе должного внимания, так как исследования данной проблематики осуществляются, как правило, применительно только к супругам¹². Между тем, поскольку в большинстве случаев женщина, состоящая в фактических брачных отношениях, материально менее обеспечена, чем мужчина, ее правовой статус может быть охарактеризован как «слабая сторона» и задача законодателя заключается в установлении мер, направленных на охрану ее прав и защиту ее интересов.

Тот факт, что отсутствие государственной регистрации брака в подавляющем большинстве случаев негативно отражается на психолого-эмоциональном и имущественном статусе женщин, состоящих (порой на протяжении долгих лет) в фактических брачных отношениях, представляется бесспорным, но при этом крайне сложно найти стимулы, побуждающие мужчин в массовом порядке отказаться от ставшей им привычной удобной модели совместной жизни, предоставляющей им все преимущества семьи при полном отсутствии сопутствующих обязанностей. Еще в XIX в. немецкий цивилист Дернбург, характеризуя давний обычай наделять девушек приданым, отмечал, что такая практика представляет собой «некий противовес распространяющейся тенденции повального бегства молодых мужчин от заключения брака, т.к. возможность пользоваться имуществом жены становится чем-то вроде приманки для мужа, а для женщины это плата за счастье быть замужней»¹³.

В настоящее время, как и двести лет назад, для многих граждан заключение брака по-прежнему базируется на стремлении одного

из супругов существенно повысить свое материальное положение и (или) социальный статус или приобрести благоприятные имущественные перспективы, однако такие «браки по расчету», или, как их называет М. В. Антокольская, «имущественные сделки», не могут рассматриваться в качестве способа преодоления гендерного неравенства в рассматриваемой сфере, в отличие от легального признания этого явления и закрепления в СК РФ специальной главы, регламентирующей правовой статус лиц, состоящих в фактических брачных отношениях, что, на наш взгляд, может повлечь определенные позитивные изменения в данной сфере.

Представляется бесспорным, что вступление мужчин вместо зарегистрированного брака в фактические брачные отношения обусловлено, как правило, нежеланием связывать себя официальными узами, стремлением сохранить имущественную независимость, избежать обязательств по содержанию жены, страхом перспективы раздела приобретенного имущества и т.д. Легализация фактических брачных отношений будет означать, что приведенные расчеты станут неосновательными, т.к. спустя установленный законодателем срок соответствующие супружеские права и обязанности возникнут у мужчины и без регистрации брака, следовательно, стремление избежать регистрации брака потеряет изначальный смысл.

Но, с другой стороны, нельзя исключать и прямо противоположного эффекта: для некоторых (возможно, очень многих) мужчин введение предлагаемого правового режима станет действенным препятствием для поддержания любых отношений, которые могут быть квалифицированы в качестве «фактических брачных», т.е. влекущих возникновение имущественных прав и обязанностей, вследствие чего мужчины будут переводить отношения с женщинами в плоскость более или менее систематических встреч, избегая совместного (семейного) проживания с ведением общего хозяйства, что неблагоприятно отразится на и без того сложной демографической ситуации.

Подобных опасений не вызывает второй вариант решения рассматриваемой проблемы, заключающийся в том, чтобы закрепить в законодательстве возможность признания факта

¹² См.: Румянцева Н. С. Правоотношения супругов и бывших супругов по предоставлению материального содержания по законодательству Российской Федерации и стран ближнего зарубежья (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

¹³ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 1998. С. 187.

состояния в фактических брачных отношениях с лицом, которое вследствие гибели или смерти не может официально зарегистрировать брак. Такая возможность была предусмотрена в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 «О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов»¹⁴ и в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР¹⁵, устанавливавшим порядок рассмотрения и разрешения дел названной категории (п. 4 ч. 2 ст. 246 ГПК РСФСР). В Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации¹⁶ соответствующая норма включена не была, так как в настоящее время, как известно, факт состояния в фактических семейных отношениях юридического значения не имеет.

Между тем бесспорно, что наиболее сложные проблемы в рассматриваемой сфере возникают именно в случае смерти или гибели гражданина, состоявшего в фактических брачных отношениях, когда регистрация брака становится объективно невозможной, как и заключение гражданскими супругами соглашения относительно тех или иных аспектов их семейной жизни. С целью охраны и защиты имущественных и личных неимущественных прав супруга (как правило, супруги), оставшегося в живых, представляется целесообразным восстановить в действующем законодательстве возможность установления данного юридического факта в тех случаях, когда отношения носили длительный характер (не менее 3 или даже 5 лет) и при условии, что никто из фактических супругов не состоял на момент смерти одного из них в нерасторгнутом зарегистрированном браке.

Закрепление в законе правовых последствий длительного совместного проживания мужчины и женщины, имеющего все признаки семейной жизни, будет способствовать устранению важного проявления гендерного неравенства, характерного для рассматриваемой сферы, поскольку, как уже было отмечено, в подавляющем большинстве случаев инициа-

рами создания семейных союзов без регистрации брака являются мужчины, а для женщин по-прежнему характерно стремление к регистрации брака в порядке, предусмотренном семейным законодательством, со всеми его атрибутами и правовыми последствиями.

Еще одной формой гендерного неравенства в брачно-семейной сфере, при которой ущемляются права уже не женщин, а мужчин, является сложившаяся практика, в соответствии с которой в подавляющем большинстве случаев при расторжении брака ребенок (дети) остается на попечении матери, хотя в действующем законодательстве императивно закреплено абсолютное равенство родителей ребенка. Так, в определении от 27.01.2011 № 109-0-0 Конституционный Суд РФ указал, что «родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей».

Соответствующие положения закреплены и в нормах СК РФ, в том числе: в п. 2 ст. 24 СК РФ, устанавливающим, что при расторжении брака в судебном порядке в случае отсутствия соглашения между супругами по вопросу об определении места жительства ребенка или детей суд обязан определить, с кем из родителей будут проживать несовершеннолетние дети после развода; в п. 1 ст. 61 СК РФ, в соответствии с которым родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей; в п. 3 ст. 65 СК РФ, согласно которому при раздельном проживании родителей место жительства несовершеннолетних детей определяется соглашением родителей, а при отсутствии такого соглашения спор между родителями о месте жительства детей может быть разрешен судом по требованию любого из них.

Важным ориентиром для российских судов, рассматривающих дела данной категории, являются руководящие разъяснения, представленные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и Обзорах судебной практики. Так, в постановлении Пленума ВС РФ от 27.05.1998 № 10¹⁷ с исчерпывающей полнотой были сформулированы практически все факторы, имею-

¹⁴ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 60.

¹⁵ См.: Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 31.12.2002) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

¹⁶ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 11.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.06.2022) // СЗ РФ. 2002. № 46. С. 4352.

¹⁷ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 8.

щие значение для определения места жительства ребенка, подлежащие выявлению и учету судами, рассматривающими споры о воспитании детей. К таким факторам относятся: возраст ребенка; нравственные и иные личные качества родителей; привязанность ребенка к каждому из родителей, братьям, сестрам и другим членам семьи; отношения между каждым из родителей и ребенком; отношение к ребенку новых супругов его родителей, сводных братьев и сестер. Суды также должны выяснять, насколько серьезно для ребенка будет потерять постоянный контакт со вторым родителем и его родственниками; кто из родителей сможет лучше заботиться о ребенке с учетом его возраста, здоровья и личных качеств родителей, а также другие обстоятельства и условия. При этом особо отмечалось, что суд не должен ориентироваться исключительно на имущественные параметры родителей ребенка, в том числе на их жилищные условия.

Казалось бы, приведенные разъяснения исключают возможность неправильного разрешения дел рассматриваемой категории, но это не так. В Обзоре судебной практики по делам, связанным с воспитанием детей 2011 г.¹⁸, Верховный Суд указал, что в ряде случаев при вынесении решений суды ограничиваются лишь общими фразами о том, что при определении места жительства ребенка учитываются его отношения с родителями, материальное положение родителей и иные факторы, однако обстоятельства, в связи с которыми место жительства ребенка определяется с одним из родителей, в решении не конкретизируются. Очевидно, что речь идет как раз о тех многочисленных решениях, в силу которых ребенок «автоматически» остается на попечении матери.

Необходимость неукоснительного соблюдения приведенных положений СК РФ и соответ-

ствующих судебных позиций подчеркивается практически всеми авторами, обращавшимися к рассматриваемой проблеме, которые отмечают ее важное значение с учетом значительного количества несовершеннолетних детей, остающихся после расторжения брака с одним из родителей¹⁹. Очень выразительно особенностями рассмотрения названной категории споров охарактеризовал П. А. Якушев, по мнению которого дела об определении места жительства ребенка сложны не только с профессионально-юридической, но и с эмоциональной стороны: такие споры являются кульминацией семейной драмы, т.к. расставание родителей и проживание только с одним из них наносит непоправимый вред духовному и нравственному развитию ребенка и его здоровью²⁰.

Бесспорно, что вынести судебное решение, в полной мере отражающее паритет родительских прав и максимальный учет интересов ребенка, гораздо проще в тех случаях, когда суд выясняет его мнение по этому вопросу, но, во-первых, мнение ребенка, не достигшего возраста 10 лет, о том, с кем из родителей он хотел бы остаться, либо вообще не выясняется, либо не подлежит учету. Во-вторых, как отметил Верховный Суд, анализ судебной практики и материалов по ее обобщению показывает, что мнение ребенка во многих случаях выясняется опосредованно, т.е. через заключение органа опеки и попечительства, что не согласуется со ст. 57 СК РФ.

При рассмотрении споров данной категории во многих случаях определяющую роль играет возраст ребенка. Согласно принципу 6 Декларации прав ребенка, малолетний ребенок не должен быть разлучен со своей матерью, кроме случаев, когда имеются исключительные обстоятельства²¹. Это означает, что в отношении малолетних детей принцип равенства прав родителей вторичен, главным становится прин-

¹⁸ См.: Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 9.

¹⁹ См., например: Антокольская М. В. Семейное право : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: Инфра-М, 2010. С. 270–271 ; Беспалов Ю. Ф., Гордеюк Д. Ф., Егорова О. А. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный научно-практический) / отв. ред. О. А. Егорова. М. : Проспект, 2014. С. 46–48 ; Пчелинцева Л. М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2009. С. 117.

²⁰ См.: Якушев П. А. Защита прав ребенка при определении места жительства с одним из родителей // Права ребенка в РФ: законодательство, правоприменительная деятельность, российская наука : материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. М. : РГ-Пресс, 2018. С. 260.

²¹ См.: Декларация прав ребенка от 20.11.1959. Принята Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН 20 ноября 1959 г.

цип обеспечения интересов ребенка, которым в первые годы его жизни соответствует проживание именно с матерью²².

С этим утверждением следует безоговорочно согласиться, но и в тех случаях, когда ребенок уже не является малолетним, то есть достигшим возраста 6 лет, случаи передачи ребенка или детей на содержание и воспитание их отцу носят единичный характер, что обусловлено двумя факторами: во-первых, в России отцы достаточно редко заявляют в суде соответствующие требования и, во-вторых, такие требования очень редко удовлетворяются. В этом положении отчетливо проявляется гендерное неравенство, в данном случае ущемляющее права мужчин, которым гораздо сложнее, чем матери, добиться вынесения решения в свою пользу. В российском обществе, как и в российской системе правосудия, презюмируется, что связь ребенка с матерью имеет гораздо более сильный характер, чем его связь с отцом, вследствие чего передача ребенка на попечение отца возможна только в силу неких исключительных обстоятельств или крайне негативных характеристик личности матери и образа ее жизни.

В подавляющем большинстве случаев при расторжении брака спор о месте жительства ребенка между его родителями вообще не возникает, поскольку подразумевается, что ребенок остается с матерью. Рассматриваемая ситуация имеет ряд негативных последствий: она неблагоприятно отражается на психоэмоциональном состоянии отцов, лишенных возможности проживать со своим ребенком, а также ребенка, желающего проживать с отцом, а не с матерью; порождают проблемы в воспитании детей, особенно мальчиков, вследствие отсутствия отцовского примера и отцовского влияния. Кроме того, в некоторых случаях уверенность матери в том, что ребенок (дети) останутся на ее попечении, позволяет ей манипулировать мужем и его родственниками (дедушкой и бабушкой), шантажировать их перспективой потерять возможность общения с ребенком (детьми)²³.

Справедливость рассматриваемой негласной презумпции вызывает существенные сомнения, т.к. во многих случаях отцы, обладающие высокими нравственными качествами и

любовью к ребенку, лучше, чем мать ребенка, обеспечены материально, что позволяет им предоставить детям более высокий уровень интеллектуального, духовного, физического развития, создать благоприятные возможности для получения высшего образования, личностной и профессиональной реализации ребенка. Однако отмеченные факторы не принимаются во внимание в тех немногочисленных случаях, когда после развода родителей ребенок остается на попечении отца. Подобные ситуации в семейной жизни представителей шоу-бизнеса активно обсуждаются в СМИ с практически единодушным осуждением матери, принявшей такое решение, либо, напротив, с горячим сочувствием матери, ребенок которой был оставлен на попечении мужа против ее воли.

Вероятно, такой подход объясняется сохранением в массовом сознании стереотипов, в соответствии с которыми все, связанное с деторождением и воспитанием потомства, — прерогатива исключительно женщины-матери. Преодоление таких стереотипов потребует долгого времени, но уже сейчас необходимо формирование устойчивой судебной позиции, основанной на безусловном равенстве прав родителей ребенка, в силу которой решения по спорам по делам данной категории должны приниматься исключительно на основе полного и всестороннего изучения всех обстоятельств, свидетельствующих в пользу как матери ребенка, так и его отца, с отказом от негласной презумпции, что только мать способна обеспечить ребенку наиболее благоприятные условия для его жизни, развития, воспитания и формирования его личности.

Еще одна форма проявления гендерного неравенства в брачно-семейной сфере вновь представляет собой ущемление прав женщин. Как уже отмечалось, в подавляющем большинстве случаев ребенок (дети) после развода остаются на попечении матери, а многие отцы всячески уклоняются от выплаты алиментов на содержание своих детей. О масштабах этого явления можно судить по следующим статистическим данным: в 2021 г. с лиц, имеющих задолженность по алиментам, было взыскано 22,6 млрд руб.²⁴ Как заявила спикер Совета

²² См.: Якушев П. А. Указ. соч. С. 265.

²³ В доктрине отмечаются и другие формы манипулирования членами семьи при наличии ребенка. См.: Ильина О. Ю. Наличие ребенка как предпосылка злоупотребления правом членами семьи // Права ребенка в РФ: законодательство, правоприменительная деятельность, российская наука. С. 74–78.

²⁴ См.: URL: <https://pravo.ru/news/236208/> (дата обращения: 23.06.2022).

Федерации В. Матвиенко, в 2022 г. собираемость выплат значительно улучшилась, однако уровень долга всё еще остается слишком высоким — общая задолженность по выплате алиментов составляет 156 млрд руб.²⁵

Приведенные данные свидетельствуют о том, что гендерное неравенство в этой сфере несопоставимо более значимо, чем уклонение мужчины от регистрации брака, т.к. на женщину в таких ситуациях возлагается не только ежедневная деятельность по воспитанию ребенка, заботе о его здоровье, школьном обучении, его духовном, физическом и интеллектуальном развитии, но еще и обязанность по его имущественному содержанию, бремя которого она на протяжении многих лет несет единолично, не получая помощи от отца ребенка или детей.

Возможные направления преодоления или хотя бы минимизации отмеченной формы гендерного неравенства активно обсуждаются в современной доктрине. Так, глубокий анализ рассматриваемых ситуаций провела М. А. Данилян, по мнению которой неисполнение или ненадлежащее исполнение одним из родителей алиментных обязательств по содержанию ребенка представляет собой нарушение не только норм семейного права, но и конституционных принципов: принципа равных возможностей для реализации равных прав мужчины и женщины (ч. 3 ст. 19) и принципа равных обязанностей родителей ребенка по заботе о нем (ч. 2 ст. 38), поскольку в этом случае удовлетворение потребностей ребенка, связанных с его материальным обеспечением, возлагается только на родителя, на попечении которого он находится.

Автор справедливо отмечает, что неисполнение родителем обязанностей по содержанию несовершеннолетнего ребенка влечет нарушение личных неимущественных прав матери ребенка, на попечении которой он находится, — права на уважение личной и семейной жизни, влечет нравственные страдания — чувства обиды, унижения и переживания по поводу недостаточной материальной обеспеченности ребенка, в связи с чем предлагает дополнить п. 2 ст. 115 СК РФ абзацем 3 следующего содержания: «Если получателю алиментов, его роди-

телю или другому лицу, на попечении которого находится ребенок, причинен моральный вред в связи с несвоевременной уплатой алиментов, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда»²⁶.

С этим утверждением следует согласиться, но возможность эффективного применения предлагаемой новеллы вызывает большие сомнения, т.к., во-первых, матери ребенка придется доказывать в суде факт причинения ей морального вреда той или иной степени, что достаточно сложно во многих отношениях, и, во-вторых, возможность взыскания назначенной судом суммы компенсации такого вреда с отца ребенка, всячески уклоняющегося от уплаты алиментов на его содержание, носит чисто гипотетический характер.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы.

Рассмотренные в данной статье и иные формы проявления гендерного неравенства в брачно-семейной сфере должны исследоваться представителями не только юридической, но и других наук, в первую очередь — психологии и социологии, т.к. эти формы имеют глубокие психолого-эмоциональные и когнитивные основания и причины, по-разному формирующиеся в сознании мужчин и женщин и по-разному проявляющиеся в их поведении, на которое немаловажное воздействие оказывают различные стереотипы, сложившиеся в нашем обществе. Предложенные в статье законодательные новеллы или новые руководящие разъяснения высших судебных органов едва ли смогут моментально преодолеть, скорректировать или хотя бы минимизировать отмеченные факторы. Для решения рассмотренных задач необходимо изменение морально-нравственного климата в личностных отношениях, воспитание и культивирование в подрастающих гражданах России лучших качеств, традиционно ожидаемых, с одной стороны, от мужчин, а с другой — от женщин, важными проявлениями которых является стремление к созданию семьи путем заключения брака в порядке, предусмотренном действующим законодательством, и осуществлению заботы о содержании и воспитании детей.

²⁵ См.: В России назвали сумму долгов по алиментам // URL: <https://lenta.ru/news/2020/07/15/dolg/> (дата обращения: 23.06.2022).

²⁶ См.: Данилян М. А. Алиментные обязательства родителей по содержанию несовершеннолетних детей и ответственность за их нарушение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 11–12.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антокольская М. В. Семейное право : учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма: Инфра-М, 2010. — 432 с.
2. Беспалов Ю. Ф., Гордеюк Д. Ф., Егорова О. А. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный научно-практический) / отв. ред. О. А. Егорова. — М. : Проспект, 2014. — 552 с.
3. Гараева Г. Х. Теоретические и практические проблемы семейной правосубъектности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2022. — 25 с.
4. Данилян М. А. Алиментные обязательства родителей по содержанию несовершеннолетних детей и ответственность за их нарушение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — 25 с.
5. Ильина О. Ю. Брак как форма государственного признания отношений между мужчиной и женщиной // Семейное и жилищное право. — 2006. — № 4. — С. 17–23.
6. Ильина О. Ю. Наличие ребенка как предпосылка злоупотребления правом членами семьи // Права ребенка в РФ: законодательство, правоприменительная деятельность, российская наука : материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. — М. : РГ-Пресс, 2018. — С. 65–74.
7. Косова О. А. «Фактические браки» и семейное право // Правоведение. — 1999. — № 3. — С. 118–127.
8. Мананкова Р. П. Пояснительная записка к концепции проекта нового Семейного кодекса Российской Федерации. — Томск : Томский гос. ун-т, 2008. — 39 с.
9. Михайлова И. А. Незарегистрированные браки: семейно-правовые и гражданско-правовые проблемы // Цивилист. — 2013. — № 4. — С. 79–90.
10. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — М. : Статут, 1998. — 356 с.
11. Пчелинцева Л. М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2009. — 864 с.
12. Румянцева Н. С. Правоотношения супругов и бывших супругов по предоставлению материального содержания по законодательству Российской Федерации и стран ближнего зарубежья (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2012. — 25 с.
13. Якушев П. А. Защита прав ребенка при определении места жительства с одним из родителей // Права ребенка в РФ: законодательство, правоприменительная деятельность, российская наука : материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. — М. : РГ-Пресс, 2018. — С. 258–270.
14. Якушев П. А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2021. — 527 с.

Материал поступил в редакцию 7 июля 2022 г.

REFERENCES

1. Antololskaya MV. Semeynoe pravo: uchebnik [Family Law: A textbook]. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2010. (In Russ.).
2. Bepalov YuF, Gordeyuk DF, Egorova OA. Kommentariy k Semeynomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy nauchno-prakticheskiy) [Commentary to the Family Code of the Russian Federation (article-by-article, scientific and practical)]. Moscow: Prospekt Publ.; 2014. (In Russ.).
3. Garaeva GK. Teoreticheskie i prakticheskie problemy semeynoy pravosubektnosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Theoretical and practical problems of family legal personality. Author's abstract of the Cand. Sci. (Law) Thesis]. Kazan; 2022. (In Russ.).
4. Danilyan MA. Alimentnye obyazatelstva roditeley po sodержaniyu nesovershennoletnikh detey i otvetstvennost za ikh narushenie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Alimony obligations of parents for the maintenance of minor children and responsibility for their violation. Author's abstract of the Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2015. (In Russ.).
5. Ilina OYu. Brak kak forma gosudarstvennogo priznaniya otnosheniy mezhdou muzhchinoy i zhenshchinoy [Marriage as a form of state recognition of relations between a man and a woman]. *Semeynoe i zhilishchenoe pravo [Family and housing law]*. 2006;4:17-23. (In Russ.).

6. Ilina OYu. Nalichie rebenka kak predposylka zloupotrebleniya pravom chlenami semi [The child as a prerequisite for abuse of the right by family members]. In: Bespalov YuF, editor. Prava rebenka v RF: zakonodatelstvo, pravoprimeritel'naya deyatelnost, rossiyskaya nauka: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [The rights of the child in the Russian Federation: Legislation, law enforcement, Russian science. Proceedings of the International scientific and practical conference]. Moscow: RG-Press Publ.; 2018. Pp. 65–74. (In Russ.).
7. Kosova OA. «Fakticheskie braki» i semeynoe pravo [«De facto marriages» and family law]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*. 1999;3:118-127. (In Russ.).
8. Manankova RP. Poyasnitelnaya zapiska k kontseptsii proekta novogo Semeynogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Explanatory note to the concept of the draft of a new Family Code of the Russian Federation]. Tomsk: Tomsk State University Publ.; 2008. (In Russ.).
9. Mikhaylova IA. Nezaregistrirovannyye braki: semeyno-pravovyye i grazhdansko-pravovyye problemy [Unregistered marriages: Family legal and civil legal problems]. *Tsivilist [Civilist]*. 2013;4:79-90. (In Russ.).
10. Pokrovskiy IA. Osnovnyye problemy grazhdanskogo prava [The main problems of civil law]. Moscow: Statut Publ.; 1998. (In Russ.).
11. Pchelintseva LM. Kommentariy k Semeynomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Commentary to the Family Code of the Russian Federation]. 5th ed., rev. and suppl. Moscow: Norma Publ.; 2009. (In Russ.).
12. Rumyantseva NS. Pravootnosheniya suprugov i byvshikh suprugov po predostavleniyu materialnogo soderzhaniya po zakonodatelstvu Rossiyskoy Federatsii i stran blizhnego zarubezhya (sravnitel'no-pravovoe issledovanie): avtoref. [Legal relations of spouses and former spouses on the provision of material support under the legislation of the Russian Federation and neighboring countries (comparative legal study). Author's abstract of the Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2012. (In Russ.).
13. Yakushev PA. Zashchita prav rebenka pri opredelenii mesta zhitelstva s odnim iz roditeley [Protection of the rights of the child when determining the place of residence with one of the parents]. In: Bespalov YuF, editor. Prava rebenka v RF: zakonodatelstvo, pravoprimeritel'naya deyatelnost, rossiyskaya nauka: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [The rights of the child in the Russian Federation: Legislation, law enforcement, Russian science. Proceedings of the International scientific and practical conference]. Moscow: RG-Press Publ.; 2018. Pp. 65–74. (In Russ.).
14. Yakushev PA. Traditsionnyye tsennosti v mekhanizme pravovogo regulirovaniya semeynyy otnosheniy v Rossii i stranakh Evropy: dis. ... d-ra yurid. nauk [Traditional values in the mechanism of legal regulation of family relations in Russia and European countries. Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Moscow; 2021. (In Russ.).